

ОТРАЖЕНИЕ

Зеркало отчаяния

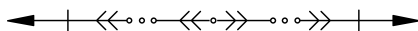
Зеркало надежды

Зеркало войны

Зеркало любви

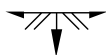
КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ОТРАЖЕНИЕ

ЗЕРКАЛО ОТЧАЯНИЯ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Отражение. Зеркало отчаяния / Галина Гончарова. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-172693-5

Не смотрите в старые зеркала. Никто не знает, в какие миры они ведут, кто может из них выглянуть и как это изменит вашу жизнь.

Матильда — сирота. Без образования, без денег и связей. Мария-Элена тоже сирота. Увы, без защиты, но с деньгами и титулом. И со множеством желающих этим воспользоваться.

Что будет, если девушки из разных реальностей, с разными проблемами и трудностями получат возможность хотя бы разговаривать? Смогут ли они изменить свою судьбу? Отбиться от врагов?

Ведь разделенная беда уже вдвое меньше...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гончарова Г. Д., текст, 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172693-5

И вот я не один был, чтоб идти
В пустынях мира, в сумраке печали,
Хоть замысла высокого пути
Передо мной, далекие, лежали.
Порой терзает добрых Нищета,
Бесчестие смеется над невинным,
Друзья — враги, повсюду темнота,
Толпа грозит, но в сумраке пустынном
Есть радость — не склоняться пред Судьбой,
Ту радость мы извели с тобой!

*Перси Биши Шелли.
«Возмущение Ислама»
(перевод К. Бальмонта)*

Глава 1

Мария-Элена Домбрийская

— **В**аша светлость, вам письмо!

Мария-Элена разогнулась от грядки, вытерла пот локтем и принялась отряхивать ладони.

Да, вот так вот.

Монастырское воспитание — строгое и никому поблажек не делает. Будь ты хоть трижды урожденная Домбрийская, а изволь работать наравне со всеми. И в лазарет ходить, и язвы больным промывать, и на коленях стоять, и вышивать, и книги переписывать...

Много чему учатся девушки в обители святой Эрталы Никийской и выходят отсюда замечательными женами и матерями, умеющими вести самое запущенное хозяйство. Да...

Молоденькая послушница, которая держала письмо, смотрела на девушку, словно щенок. Большие карие глаза, беззащитное выражение... Мария уже знала про нее все возможное.

Сирота, осталась без родителей в эпидемию холеры, попала в трактир прислужницей, там ее и изнасиловали. Бедняжка утопиться хотела, когда поняла, что беременна, но не дали добрые люди. Вытащили, надавали оплеух и привели в обитель.

Сейчас она месяце так на третьем. Родит, отдаст ребенка на воспитание, а потом останется при монастыре. Здесь матушка-настоятельница хоть и строга, но кусок хлеба найдет, да и рабочие руки всегда в чести.

— Благодарю.

Письмо перешло из одной руки в другую. Послушница вежливо отвернулась, чтобы не мешать герцогессе. Мария-Элена распечатала его и быстро побегала глазами по ровным строчкам.

Впрочем, хватило ее ненадолго.

Уже через пару минут молоденькая послушница услышала вскрик и какой-то шум. Обернулась и успела как раз вовремя, чтобы не дать юной герцогессе повстречаться лицом с землей.

Читать девушка не умела, но, видимо, плохие вести?

Она устроила герцогессу на грядках поудобнее и огляделась в поисках воды.

— Не надо... помощи мне добраться до комнаты.

Такие просьбы не игнорируют. Лира, так звали девушку, подхватила ее светлость под руку и помогла встать. Потом оглянулась на письмо. То жалобно белело листками на грядках.

— Простите, ваша светлость...

Герцогесса махнула рукой:

— Не стоит. Думаю, матушка-настоятельница уже в курсе.

Что именно должна была знать настоятельница, Лира спросить не осмелилась. А ласковый летний ветерок играл с листками, то показывая слова, то вновь убирая их от любопытных солнечных лучиков.

«Дражайшая падчерица.

Ваш отец болен, и мы опасаемся, что он не проживет и месяца. Вам следует немедленно выехать домой, если вы хотите застать его в живых.

Дано в Донэре, семнадцатого червеля¹.

Лорена, герцогиня Домбрийская».

Мачеха, не мать. Родной матери у Марии-Элены уж лет двенадцать как в живых не было. А теперь умирал и отец. И что-то ждет ее впереди?

С таким и взрослому человеку справиться сложно, а уж семнадцатилетней соплюшке, которая последние десять лет провела в монастыре? Конечно, Мария-Элена не ждала от жизни ничего хорошего.

* * *

Матушка-настоятельница всегда знает о том, что происходит в монастыре. Иначе — лишается своего поста и власти.

Она знает, кто ворует с монастырской кухни еду, кто из монашек молится искренне, а кто по обязанности, кто из воспитанниц любезничает со смазливym конюхом и кто по ночам читает под одеялом непристойные вирши площадных поэтов. Работа такая...

О письме она тоже узнала достаточно быстро. Донесли.

Привилегия герцогской крови — у Марии-Элены была своя комнатка. Крохотная, в ней помещались

¹ Календарь ромейского года — с января месяца. Также двенадцать месяцев, названия: стужень, лютень, морозник, протальник, травник, червень, листвень, сытень, живень, сонник, листопадник, снежень. (Прим. авт.)

лишь кровать, узкий шкаф и таз для умывания, но и то уже благо. Ей не приходилось делить спальню еще с десятком девиц. Она могла остаться одна хотя бы ночью, только вот как же тяжелы были эти ночи. В узкое окошко-бойницу почти не заглядывал свет, и иногда девушка чувствовала себя как в темной ледяной яме. Словно в погребу.

Когда-то Силанта заперла ее там... Как же герцогесса кричала, колотила по двери, срывая ногти, звала... и никто, никто не пришел.

И сюда никто не пришел, молись, не молись. Отец умирает. Всё...

Сейчас тоже никто не придет.

Ан нет, дверь скрипнула. По традиции засовов на дверях в монастыре не было, редкое исключение составляли покои настоятельницы, а остальные...

Что тебе скрывать в божьем доме?

— Мир душе твоей, дочь моя.

Мария-Элена вскочила с кровати так поспешно, словно та задымилась. Опустилась на колени, коснулась губами протянутых ей четок.

— Благословите, матушка.

— Да пребудет над тобой милосердие Ее.

— Аэссе¹, — привычно отозвалась Мария-Элена.

— Мне пришло письмо, дитя мое. Сочувствую твоему горю.

Мария-Элена осмелилась поднять глаза и бросить на настоятельницу робкий взгляд. И тут же вновь опустила ресницы.

Конечно, она не сочувствует. Просто привычно говорит правильные слова, эта женщина в сером платье

¹ Аналог «аминь», слово, которым привычно заканчиваются все молитвы. (Прим. авт.)

и белом платке на тщательно уложенных косах. Не старая, полноватая, с мягким, даже невыразительным лицом, похожим на непропеченную булку... и глаза, как две изюминки. Впрочем, Мария-Элена отлично знала, каким грозным может быть ее голос, какими жесткими глаза и как сжимаются губы, произнося привычную фразу: «В темную, на хлеб и воду, на трое суток».

— Разумеется, ты должна ехать домой. Твоя мать на этом настаивает.

— Да, матушка.

Настоятельница вздохнула:

— Мы искренне надеялись, что ты решишь остаться под защитой наших стен, но, видимо, Она решает иначе, и Ей угодна мирская жизнь, не монашеская...

— Матушка... ее светлость что-то писала обо мне?

Слова почти не выговариваются, язык сухой, как сброшенная змеиная кожа, и едва поворачивается во рту.

Настоятельница смотрела с грустью.

— Да, дитя мое. Герцогиня написала, что тебе уже нашли жениха, хотя имя его в письме и не названо, но это хорошая партия.

Мир темнел, рассыпался осколками...

Мария-Элена хотела бы броситься к ногам настоятельницы, умолять оставить в монастыре...

Бесполезно. Все — бесполезно.

Впрочем, матушка сама поняла ее состояние.

— Если получится так, что ты предпочтешь мирской жизни наше служение, тебе достаточно будет написать мне.

— Но как я...

— Я дам тебе с собой клетку с голубями.

— Благодарю вас, матушка.

В этот раз даже получилось поклониться. И еще раз поцеловать четки.

— Помни, дитя мое, мы всегда будем рады видеть чистую душу в стенах нашей обители.

— Благодарю вас, матушка.

— Скоро тебе принесут мирские вещи.

— Матушка?

— Ты приехала сюда совсем ребенком и не помнишь всего. Твой отец прислал для тебя вещи... вряд ли они подойдут идеально, но полагаю, что-то можно будет подогнать по фигуре.

— Да, матушка. Благодарю вас, матушка.

— Будь всегда такой же доброй и послушной, и да пребудет над тобой Ее благословение.

Мария-Элена быстро осенила себя святым ключом:¹

— Аэссе...

* * *

Настоятельница давно ушла, а Мария-Элена сидела на кровати, глядя в стену безнадежным взглядом.

Принесли и поставили сундуки, окончательно загроздив крохотную каморку, а она сидела и сидела, не шевелясь, даже когда колокол пробил вечернюю молитву.

Ах, как давно это было.

Зеленый луг, мамины глаза, сияющее солнце, ласковый голос: «Малечка моя, самая красивая девочка, самая умная, самая любимая...»

Сегодня ее не трогали, не звали ни на молитву, ни к ужину, ни на бдение, сегодня нарушился весь

¹ Святой ключ — аналог христианского креста. Поочередное касание лба, середины груди, живота примерно на уровне пупка. (Прим. авт.)

жесткий монастырский распорядок, а Малена, так звала ее мама, сидела, смотрела в стену и не знала, что ей делать.

Ехать домой?

К мачехе, к ее родным, к сводной сестре, о которой до сих пор вспоминается с ужасом, к отцу...

Отцу, который предал ее и мать, который заточил ее в эту жуткую тюрьму.

Больше десяти лет в монастырских стенах. Больше десяти лет учебы, труда, окриков, бдений, искупления и покаяний...

Герцогесса?

Кому здесь какая разница?

С губ Малены сорвался горький смешок. Мачеха наверняка лично выбрала эту темницу. Наверняка...

В монастыре Святой Эрталы Никийской всем безразлично, какое у тебя состояние. Здесь молятся, трудятся, а такие, как она, еще и учатся, чтобы стать хорошей женой и матерью. Она умеет проверять счета, варить мыло, дословно знает, как вести хозяйство, знает несколько языков, хорошо считает...

Музыка?

Танцы?

Сие изобретение Хозяина Пустоты, так что в монастыре этому не учат.

Платья...

Серый и черный, шерсть и сукно, то, что приличествует воспитаннице монастыря. Ни единой ленты, ни клочка батиста или шелка...

Грубое мыло, простая обувь...

Малена вздохнула и, наконец, слезла с кровати. Коснулась гладкой крышки сундука. Кедр, благородное дерево, герб Домбрийских на крышке... Замок отшелкнулся с легким звоном, петли послушно по-

вернулись, явив миру содержимое сундука, обильно пересыпанное лавандой.

Платья.

Малена достала из сундука то, которое лежало сверху, взгляделась...

И задохнулась от волнения, от боли, от гнева.

Мамины платья!

Отец не просто вышвырнул дочь из своей жизни почти на десять лет, он и от памяти о первой жене избавился. Или это мачеха?

Малена помнила, какой красивой была мама в этом платье, как кружилась в синем бархате, как сияли каштановые кудри, сверкали фамильные сапфиры Домбрийских, помнила ласковые руки, веселый смех, нежные слова.

«Малечка, девочка моя, ты вырастешь намного красивее мамы...»

* * *

Настоятельница удовлетворенно кивнула и закрыла потайной глазок.

Плачет.

Вот и хорошо.

Десять лет, почти десять лет... Герцог Домбрийский надеялся на появление наследника, но что-то у него пошло не так, нет, не так...

Дочь он видеть не хотел, дочь он отослал в монастырь, а уж она позаботилась о девочке.

Мария-Элена слаба, податлива, легко внушаема, она просто тень самой себя. И жизнь вне монастырских стен теперь не для нее, без руководства она и дня там не протянет. Настоятельница сделала все, чтобы девчонка вернулась в обитель.

И не просто так, нет...

Послушницы приносят с собой мало, монахини намного больше. Деньги Домбрийских, земли Домбрийских... кто осмелится пойти против Собора?

Надо просто немного подождать, и девчонка сама свалится ей в руки. В услужливо подставленные, милосердные руки.

* * *

Малена плакала долго, но силы человеческие небеспредельны. Слез хватило примерно на два часа, потом молодой организм взял свое, и захотелось есть.

Еды она, конечно, до утра не получит, а если попробует попросить или пробраться на кухню, вполне может получить в наказание трехдневный пост и молитву.

А кушать хочется.

А уснуть на голодный желудок, когда тебе всего восемнадцать... ладно, восемнадцать будет через два месяца, аккуратно в живень...

Малена подумала пару минут и решила перебрать мамины платья. Что-то ей обязательно подойдет, но что-то и перешивать придется. Иголка и нитка в келье есть, можно начать уже прямо сейчас.

А там и спать захочется, или утро придет, и надо будет вставать на молитву...

* * *

Платья расстилались на кровати всеми цветами радуги. Каштановые волосы, серые, грозовые глаза Домбрийских — мать была красива. И цвета носила яркие: синий, зеленый, алый, пурпурный...

На Малене это смотрелось...

Нет, платья-то выглядели отлично, несмотря на возраст, а вот Малена в них — жалко.

Плечи обвисали, грудь жалобно пузырилась, хоть платки подкладывай, талия тоже находилась решительно не там, да и мама была чуть толще Малены. Хотя это и неудивительно, на монастырских харчах не потолстеешь.

Распарывать и перешивать, иначе никак. Это просто подшить не получится, разве что длину сейчас убрать?

Малена лениво копалась в сундуке, когда заметила...

Крышка была... не цельной.

Тонкая, словно волос, щель проходила по всей ее кромке. Видимо, когда-то в ней сделали тайник, и он был незаметен, но за десять лет... кто знает, как хранились сундуки?

Сырость, сухость... Дерево рассохлось, и стало видно, что там пустота.

Тайник?

Малена понимала, что поступает глупо, что вряд ли там что-то будет, что...

Какая разница?

Пальцы не справились, а вот ножницы подошли, и через пару минут дощечка отошла, открывая пространство, заполненное корпией. И в ней лежал небольшой полотняный мешочек. Совсем небольшой...

Малена медленно взяла его в руки.

Что там?

Что-то мамино?

Пальцы дрожали так сильно, что завязки пришлось распускать зубами, но наконец они поддались, и в руках у Малены осталось... зеркало.

Очень старое, в тяжелой металлической оправе черного цвета, кое-где позолота, кое-где царапины... но только на оправе. На самом зеркале нет ни царапины, ни скола...

Странное стекло, золотистого цвета, и лицо Малены в нем кажется совсем не знакомым, взрослее, серьезнее... громадные глаза, серые, как у матери, высокие отцовские скулы...

Когда-то мама держала это зеркало в руках.

Малена медленно провела пальцем по оправе. Ойкнула, отдернула руку, видимо, металл плохо отполировали, осталась заусеница, а на подушечке пальца выступила капелька крови. Девушка слизнула ее...

Внезапно накатила усталость, захотелось спать.

Мама...

Ни за что она с этим зеркалом не расстанется и не покажет его никому.

Зеркало решительно отправилось в тот же мешок и для начала — под подушку. Так Малена и уснула, вцепившись в свою драгоценность даже во сне.

Лорена Домбрийская

Полетело в стену зеркало, вслед за ним отправилась книга, подушка, со злости женщина перевернула чайный столик, выдохлась и замерла среди комнаты демоном разрушения.

— Тварь!

Титул, красота, молодость (что такое тридцать пять лет? Ерунда!), богатство, власть...

Панацеей не является ничего из вышеперечисленного.

Муж умирает. А с ним умирают и надежды Лорены на счастливую, обеспеченную жизнь.

Впрочем, метаться по комнате Лорене надоело достаточно быстро, и она помчалась в покои, отведенные для проживания графу Рисойскому. Брат-близнец, вторая половинка, родной и любимый человек. Да, такие бывают даже у гадюк.

Хотя лично Лорена себя ни гадюкой, ни гадиной не считала, дело-то вполне житейское...

Когда тридцать пять лет назад в семье Рисойских родились близнецы, отец закатил по этому поводу пирушку на неделю. С угощением всех проезжающих, с подарками, с хмельными возгласами...

Для него жизнь была счастьем и праздником, так он и вел себя, а чтобы деньги зарабатывать, приумножать фамильное достояние... Какие интересные у вас шутки!

Аристократам таким заниматься неуместно, это для выскочек, выползков из низов общества, всякого отребья! Но уж точно не для Рисойского, который, бывало, и с королевским домом роднился!

Скончался отец от белой горячки, когда близнецам было по пятнадцать лет. Мать умерла в эпидемию холеры, тогда же умер и младший брат, Впрочем, близнецы ни о ком не тосковали. Не умели. Друг друга им вполне хватало для счастья.

Быть красивой девушкой всегда приятно.

Но если ты бедна, как соборная крыса?

Если из всех платьев у тебя лишь два — без дырок, а остальные перешиты из старых, еще материнских? Если имение заложено за долги папочки, чтоб его шервули¹ сожрали?

¹ Шервиль — примерный аналог черта, местные жители представляют его в виде громадного зубастого червяка. После смерти шервули медленно, по кусочкам, жрут души грешников и выплевывают... да, именно оттуда. *(Прим. авт.)*

У красивых бесприданниц есть два выхода. Даже три.

Монастырь Лорена отмела сразу, она слишком хотела жить и радоваться жизни. Ей нравились красивые платья, драгоценности, да, и мужчины ей тоже нравились! И она им, поэтому рассматривала два других варианта.

Содержанка — или жена?

Оба имели свои достоинства и свои недостатки. На варианте жены настоял Лоран, и близнецы ни разу не пожалели о принятом решении.

А тогда, ночью, после похорон...

Лоран и Лорена сидели в кабинете отца, пили отцовское же вино и разговаривали.

— Рисой разорен. Доходов нам ни на что не хватит...

— Они все же есть? — Лорена искренне сомневалась в этом.

— Долгов у нас всяко больше. А потому... сестренка, у нас безвыходное положение.

— Какое же?

— Тебе надо выйти замуж. За богатого старика.

Лорена подняла брови. Не то чтобы ее пугала эта перспектива, в пятнадцать она уже отлично разбиралась в некоторых сторонах жизни. Братец и просветил, когда она его со служанкой застала. А девушкой Лорена оставалась из тех соображений, что девушки продаются дороже.

— Почему бы тебе не жениться?

— Потому что дочь с хорошим приданым за меня никто не отдаст, сама понимаешь. Сначала всё проверят, да и на ухаживания потратиться придется, на костюмы, на... на многое. Мы этого себе позволить не можем.

— А в моем случае?

— Ухаживать будут за тобой, подарки делать тебе, а благородная бедность девушке даже к лицу. Как и благородная бледность. К тому же ты красива и невинна. Вполне можешь привлечь внимание нужных нам людей, очаровать мужа, помочь деньгами братику...

— Ты так уверен, что я тебя не брошу? — усмехнулась Лорена.

— В этой жизни я уверен лишь в себе и в тебе. Больше не в ком... да и тебе может понадобиться моя помощь, сестренка, ты же не станешь терпеть старика до конца дней своих?

Лорена медленно кивнула.

Не станет. Но как же не хочется...

Лоран, заметив колебания, удвоил усилия, и вскоре Лорена согласилась с его доводами.

Никор Колойский был стар. Он был чуть ли не вдвое старше отца Лорены, но интереса к жизни не утратил. Обожал вино, вкусную еду, красивых женщин... последних — не только платонически, хватало ж сил у старика! Но Лорена выбивалась из этого ряда.

Невинная, красивая, благородная и гордая — восхитительное сочетание, не правда ли? Так и слышится вдали охотничий рог. Так и зовет, так и манит...

Стоит ли удивляться, что Никор повел себя, как охотничья борзая? Сделал стойку, а потом помчался за добычей...

И Лорена милостиво согласилась на законный брак.

Прогадала она или нет?

Сложный вопрос.

С одной стороны, Никор обеспечил ее полностью, вывел в свет, представил ко двору, одел, обул, обвесил

драгоценностями и даже немного помог брату. Не деньгами, нет, но ростовщики прижали уши и согласились подождать. Лоран же, будучи тоже представлен ко двору, быстро научился зарабатывать деньги достойным аристократа способом — то есть картами, пари и даже в постелях богатых стареющих дам. Почему бы нет? Если дама подарит кавалеру дорогую безделушку, разве это плохо?

Лоран был неглуп, опасен, быстро умудрился выгодно жениться, но его жена, Тарма Ифринская, хоть и принесла ему приличное приданое, но умерла родами.

Приложил ли к ее смерти руку сам Лоран? Лорена подозревала, что да, но доказательств не было ни у кого.

С другой стороны, Никор быстро наградил Лорену ребенком (хорошо хоть фигура не испортилась) и умудрился умереть через шесть лет после брака. Мог бы и пораньше, что уж там.

И мог бы завещать свое состояние дочери и жене, а не сыновьям от первого брака. Но с ними Лорене справиться не удалось. Драгоценности она унесла, и только. Вырвать больше завещанного не получилось.

Впрочем, юная вдова не унывала. Будучи представлена ко двору, она закрутилась в вихре удовольствий, и тут ей на глаза попался ОН!

Герцог Томор Домбрийский.

Вдовец, его жена умерла, оставив мужчину с маленькой дочерью на руках... Потрясающее сходство ситуаций, правда? Как тут не воспользоваться!

Тем более что Лорена неосмотрительно оказалась в постели у короля, ее величество этого резко не одобрила и дала ясно понять выскочке, что ей надо

спасать свою шкурку. Лорена предупреждению не вняла, за что и поплатилась.

Королева в некоторых вопросах излишним милосердием не страдала.

Схватить наглую выскочку на улице?

Спокойно!

Отвезти к повитухе и вытравить плод?

То же самое.

И кричи, не кричи, кидайся в ноги королю, не кидайся... повитуху еще найти надо, как и похитителей, а попытка возвести напраслину на королеву может дорого тебе обойтись, деточка.

Лоран быстро разъяснил это сестренке, и Лорена прониклась. И принялась охмурять герцога.

Получилось это неожиданно легко. Она вышла замуж, и все было хорошо, правильно и приятно. Большие деньги, роскошный замок и даже молодые любовники... было все!

До сегодняшнего дня.

Герцог Домбрийский умирал, его дочка в монастыре, и у них даже есть еще пара лет, но что потом?

Потом эта монастырская крыса унаследует все, а их выкинет на улицу. С условиями завещания Лорена была ознакомлена супругом очень давно, и они не поменялись ни на йоту. А то, что завещание хранится в столице, в канцелярии короля, лишало последней надежды. Это не местный нотариус, мэтр Сюре, который готов был есть с рук у красавицы герцогини, это — столица. И там таких, как Лорена...

Ах, наедине с зеркалом можно и признаться себе — красота уходит.

И ты видишь морщинки в уголках глаз и возле рта, ах, эти неумолимые морщинки, и лоб уже не так бел и гладок, и пудра, пока спасающая положение,

скоро не поможет, и приходится все больше времени уделять своей внешности...

И даже — выдергивать из золотой гривы седые волоски. Пусть они там не слишком заметны, пусть. Но ведь *они есть!*

Молодость ушла, а где то, на что она ее променяла? Где деньги?

ГДЕ?!

Крик души был засчитан братцем, который валялся на диване и курил кальян. Сквозь облака зеленоватого дыма Лоран наблюдал за сестренкой, которая металась по комнате, а потом пожал плечами:

— Не вижу проблем, малышка.

— Ах, ты не видишь проблем?! — повторно завелась Лорена, но брат заставил ее замолчать движением руки. Из них двоих он всегда был взрослее, опытнее, умнее...

Может, он и правда что-то придумал?

— До совершеннолетия девчонки два года.

— Да! Этого мало, мало! И мы не можем ничем распоряжаться!

— Деньгами — не можем. Нам их будут выделять. Тебе — вдовью долю, потом еще на содержание Донэра, твою дочь тоже не забыли... я один, неприкажанный...

Лоран едва слезу не пустил от жалости к себе. Никто его не любит, никому-то он не нужен... Эх-х-х...

— Прекрати паясничать! — рявкнула Лорена. — Ну?!

— И будут выделяться деньги на Марию-Элену. До ее совершеннолетия или замужества.

— Еще замуж ее выдать не хватало!

— Еще как хватало, сестренка! Еще как хватало, — ухмыльнулся Лоран. — Она не сможет выйти замуж

без твоего согласия, а ты можешь дать это согласие на брак только в случае, если жених — я.

— Что?!

Лорена без сил опустилась на узорчатый диван рядом с братцем, вдохнула зеленоватый дым, закашлялась...

— Гадость какая! Что ты куришь?

— Это трава хашеля¹, смешанная с медом и толченым жемчугом. Очень дорогая смесь, кстати говоря. Не хочешь попробовать?

— Нет! Кха! Ты с ума сошел?

— А почему нет, сестренка? Мне давно пора жениться, а монастырская воспитанница станет достойной супругой. На пару-тройку лет. Потом, наверное, она умрет при родах, когда надоест мне, но оставит нам наследника всего состояния. И Домбрийского, и нашего... и я с радостью побуду его опекуном до совершеннолетия... еще лет двадцать.

Лорена подумала пару минут, а потом бросилась братцу на шею.

— Лоран, ты самый умный мужчина на свете!

— Разумеется. А что — кто-то в этом сомневался? Судьба Марии-Элены Домбрийской была решена.

Его высочество принц Найджел

— Мой принц, вы были великолепны! Никого лучше вас я не встречала, ах, я едва дышу от восторга...

Леди Френсис разливалась соловьем. Найджел поморщился и отвернулся... пожалуй, второй встречи не будет.

Леди старалась, очень старалась, но вот это «мой принц»...

¹ Конопля. (Прим. авт.)

Знали бы вы, как это раздражает!

Юный принц встретил прекрасную принцессу, они полюбили друг друга, поженились, у них родились дети...

Красивая сказка?

Замечательная!

А как насчет того, что принцу Остеону было семнадцать лет, а вот его отцу, королю Аррелю, деду Найджела, хорошо за сорок? И проправил тот еще десять лет с хвостиком!

Считайте!

Дед умер в пятьдесят семь, и умер, кстати, не переставая девок в постель таскать. На одной из них и помер, горячая, видно, стерва оказалась! Отец взошел на престол в двадцать семь! А его сыну, то есть Найдзелу, было тогда уже почти десять лет!

Сейчас отцу сорок пять, а Найдзелу-то двадцать восемь! И править отец будет еще лет десять, а то и больше! У них род крепкий, порода хорошая, что там! Отец до сих пор мужчина!

Матери уж лет пять как нет, а он в спальню фавориток таскает! И по свидетельству слуг, недовольными дамы не остаются...

И когда сам Найджел взойдет на трон? В сорок? А то и позднее?

А не хочется позднее...

Хочется сейчас царствовать и править самому! Возложить на голову древний венец, властвовать в жизни и смерти людей... хочется. Власть — такая отравка... Только вот никто ему престол уступать не станет, отец еще крепок...

Принц вздохнул, отпил из поднесенного любовницей кубка и сгреб в охапку леди Френсис. Хоть так-то забыться...

Он и не заметил, как блеснули опасными искрами зеленые глаза леди Френсис Сорийской.

Принц хотел править...

Найдутся люди, которые оценят это желание. И помогут. Просто в лоб, сразу, такие вещи не говорятся и не делаются, надо постепенно, полегоньку...

И после следующего сеанса утех леди вздохнет: «Ах, каким королем вы могли бы стать, ваше высочество... как несправедлива жизнь». И может быть, принц взглянет на нее с большим интересом?

Кто знает?

Рид, маркиз Торнейский

Охота на кабана — прекрасное и благородное занятие. Особенно когда ты выходишь на зверя один на один, с мечом и собаками...

Кабан опасен, это один из самых лютых зверей, и если ты попадешь к нему на клыки, умирать будешь долго. Но Рид отродясь ничего не боялся.

Шаг вперед. Второй...

Не подвела бы искалеченная некогда нога... впрочем, нет, не подведет! К своей хромоте Рид уже привык, сжился с ней, как другие сживаются с любовницами, и двигался вполне уверенно.

Кабаний меч — штука непростая.

Длинный, с расширенным острием, с узким волнистым лезвием, с отверстием, в которое сейчас вставлено перекрестие — чтобы кабан не рванулся вперед. Понимая, что обречен, этот зверь готов на все, чтобы завалить своего врага.

Да, врага...

Это почти война, глаза в глаза, ощущая дыхание зверя и рискуя своей жизнью...

Собаки сейчас только загонщики. Они отвлекают зверя, покусывают, не дают ему сосредоточиться, подзывают охотника, налетают с разных сторон... Вот одна выскочила из-за елки, побежала впереди, зовет хозяина за собой, что ж, послушаем умное животное!

Рид медленно вышел на поляну, оценивая обстановку.

Ага, вот и кабан.

Небольшой, где-то по пояс высотой самому Риду, можно бы и покрупнее, но какой попался. Видимо, двух-трехлетка. Это не секач, нет. Ему только предстояло заматереть.

Теперь уже не успеет.

Собаки крутились вокруг кабана, покусывали, отвлекали... Одна неудачно повернулась, и кабан тут же воспользовался этим. Дернул головой, поддевая тело на клыки, стряхнул искалеченную лайку, развернулся к новому врагу...

Шаг вперед. Еще один.

Умные собаки продолжают отвлекать врага, Рид приближается, кабан выбирает между старыми противниками и новым, но у него еще слишком мало опыта...

Шаг вперед.

Зверь занервничал, он разворачивается рылом к противнику, это плохо...

Умница, Альма!

Одна из собак бросилась вперед, повисла у зверя на холке, кабан резко встряхнулся, сбрасывая ее, но этой секунды хватило охотнику, чтобы броситься вперед одним прыжком. Нога стрельнула острой болью, но что это за малость по сравнению с удачным ударом?

Ибо меч Рида попал четко в сердце зверю!

Теперь — держать. Пару минут выдержать натиск уже мертвой, но не осознающей этого туши, держаться... Плевать, что подгибается нога, даже уже мертвый кабан может достать тебя клыками, он еще не понял, что мертв, а ты можешь не дожидаться добычи...

Некоторые в таком случае бросают меч и бегут, понимая, что зверь их уже не догонит. Рид так не поступал.

Он смотрел в маленькие черные глаза зверя и видел, как медленно угасает в них жизнь.

Сегодня он победитель...

Маркиз дождался, пока туша улеглась на траву, отпустил меч и выдернул из ножен кинжал. Перерезал кабану горло и подставил руки под струю крови. Сделал несколько глотков.

Охота была честной.

Он не стрелял издалека, он убрал слуг... это его добыча! Теперь можно и позвать носильщиков, пусть перетащат тушу в замок. Сегодня будет пир.

Увы, в замке Рида ждало письмо.

Его величество Остеон желал видеть своего единокровного брата в столице. И чем скорее, тем лучше.

Что ж...

— Сегодня — пир. А завтра выезжаем, — распорядился маркиз.

Королевские приказы не обсуждаются, а выполняются. Но этот день старший братец ему не испортит...

* * *

Рид умел ценить моменты счастья.

Хорошая охота, хороший вечер, когда можно посидеть со старыми друзьями, выпить немного вина, поглядеть в костер — и ни о чем не думать.

Счастье?

Во всяком случае, неплохой его заменитель.

В жизни Рида было не так много хорошего, чтобы он упускал подобные моменты.

Родился он примерно тридцать три года назад. Маркиз Торнейский, его будущий официальный отец, женился и отправился с молодой женой ко двору. Провинциалочка раньше не видела ни столицы, ни короля... маркиз здраво рассудил, что сначала покажет жене всю роскошь двора, а уж потом начнет делать детей. Планировалось как свадебное путешествие...

В каком-то смысле так и получилось. Юная Меган была в восторге от двора, от пышности, празднеств, от галантных кавалеров, от комплиментов и букетов, которыми ее заваливали...

А еще — от короля. Седой король с доброй улыбкой совершенно затмил в ее глазах супруга. Молодого, бестолкового и, что греха таить, достаточно скучного. Кому-то нравятся молодые мужчины, кому-то постарше...

Меган, очаровательная, юная, свеженькая, с улыбкой на губах и широко распахнутыми от удивления глазами, мгновенно привлекла внимание Арреля. Какое-то время его величество колебался, но ему было уже за пятьдесят лет, возраст, болезни, может быть, захотелось чего-то нового и чистого, а может, и влюбился.

Сейчас Рид ничего не мог сказать по этому поводу. Кто их там разберет, покойников?

Услать от двора придворного так, чтобы его жена осталась при дворе?

Да легко!

Его величество мог бы проделывать такое по три раза на дню! Маркиз получил письмо, что в Торнее

неспокойно, и бросился обратно. Разумеется, жену он с собой не взял, мало ли что...

Королю потребовалось три месяца.

Меган не любила своего мужа, нет, но знала его очень давно, была обещана ему чуть ли не с рождения и считала измену уделом непорядочных женщин. И все же — не устояла. Кинулась в омут юношеской любви, словно в воду головой. Хватило любви ненадолго, примерно на год, чуть побольше, потом чувства охладели и у Меган, и у его величества, но плод она принесла.

Маркиз дураком не был. То, что над ним смеялась вся столица, ему не понравилось, и жену, заперев дома, он начал учить по-свойски.

Жена оказалась беременна.

Маркиз скрипнул зубами, но твердой уверенности у него не было. То ли его ребенок, то ли не его — забирая жену из столицы, маркиз поторопился объяснить ей, кто тут законный супруг. Та ночь могла принести плоды. А мог и его величество...

Восемь месяцев обстановка накалялась. И когда у маркизы начались роды, с облегчением вздохнули все слуги — для них самое страшное закончилось. Маркиз кидался бутылками и кинжалами, маркиза била посуду и плакала...

Наконец-то что-то прояснится.

Как же!

Новорожденные младенцы больше всего похожи на новорожденных щенят.

Мокрые, голые, лысые, красные и сморщенные. И найти у них какие-то общие признаки со взрослым человеком просто невозможно. Даже глаза — и те невнятные, серо-голубые...

Родимые пятна? Это в романах, это всё туда. А в жизни приходится ждать и разбираться.

Может быть, пойдя Рид внешностью в мать, светло-русую и сероглазую, проблем и не было бы. Увы...

Мать — светло-русская, отец такой же, а вот его величество — черноволосый, кареглазый, крепкий, словно гриб боровик...

Малыш оказался копией его величества. Это стало заметно не сразу, примерно к году, но уж проявилось так проявилось. Даже характер был королевский — упрямый, нетерпимый. Не вздорный, но свое Рид требовал упорно, не отвлекаясь ни на какие посторонние вещи.

Маркиз дураком не был.

Он запил так, что винный погреб не выдержал, и однажды...

Пьяной скотине море по колено, а уж королевский гнев — тем более. Самая опасная стадия, когда вино еще не отобрало способность думать и двигаться, но сняло все ограничения в разуме человека, превратило его в опасное дикое животное, которое рвется, насаживая себя на колья и копыя, лишь бы убить. Лишь бы дорваться...

И дорвался.

Маркизе досталось двенадцать ударов кинжалом.

Малышу повезло больше.

Маркиз убил бы его, без сомнения, но, увидев, как в комнату ворвался пьяный муж, как жена заслонила колыбельку собой — и тут же упала от удара, встала, шатаясь, повисла на руке убийцы, вмешалась Мелисса.

Меган и Мелисса были молочными сестрами, вот девочка и приехала с госпожой. Подай, прислужи... замуж госпожа ее пока не выдала, но все сходились

на том, что своей любимице Меган присмотрит партию получше, слуги наперебой ухлестывали за симпатичной сероглазкой, а та только улыбалась.

И в тот день служанка была у госпожи.

Меган упала, а Мелисса сделала единственное, что могла.

Понимая, что пьяное чудовище не пощадит ни ее, ни ребенка, она схватила колыбельку, выкинула ее из окна, а вслед за ней прыгнула и сама. Благо не башня, второй этаж.

Риду повезло. Он не расшибся, он просто сломал ножку в двух местах, вылетев из колыбели. Мелисса же, молодая и ловкая, отделалась кучей ушибов, царапин и синяков, но думать о них не стала и припустила что есть мочи. Опять же, не абы куда.

На конюшню.

Старший конюх оказывал знаки внимания симпатичной горничной. Да и девушке он нравился. А еще Мелисса здраво рассудила, что на своих ногах она с ребенком далеко не уйдет. А вот верхами...

И верно, увидев растрепанную и окровавленную девушку с завернутым кое-как в одеяльце, орущим в голос ребенком, старший конюх не стал рассуждать. Он просто заседлал четырех коней, на одного вскочил сам, на второго вскинул Мелиссу с ребенком, двух заводных схватил за поводья — и дал шпоры.

Уже потом, уже в столице они узнали, что маркиз, протрезвев, понял, что натворил, и удавился, да только Меган было уже не вернуть. А ребенок...

Молочные сестры — это не просто так, это на всю жизнь. Никто не знал о маркизе больше, чем Мелисса. Девушка была поверенной всех девичьих тайн, носила записочки любимому, знала, чей плод растет

в чреве маркизы... и понимала, что выбора у них нет. Остаться в замке — подписать смертный приговор малышу. Надо было добраться до столицы и бросаться королю в ноги.

Ноги, да...

Ножку малышу кое-как сложил костоправ на постоялом дворе. Срослась она неровно, но Рид был совершенно не в претензии к тетушке Мелли. Как могла, так и выкручивалась, не факт, что в той ситуации он поступил бы по-другому. Все решали дни и минуты.

И Мелисса справилась.

Они добрались до столицы, а там...

Как попасть к королю?

Упасть на колени перед главным храмом, на площади и громко кричать о своих злоключениях. Другого выхода девушка не видела.

Она знала, что знатные люди часто посещают храм Константина Воинственного, известного тем, что оный мученик до последнего сражался, давая возможность женщинам и детям уйти от погони. На площади и упала на колени. И принялась кричать: «Защиты и справедливости!»

Служители храма заинтересовались, вызвали настоятеля¹, и тот, на свой страх и риск, пригласил девушку с сопровождающим внутрь.

¹ Соборные чины (с низшей ступени) — послушник, прислужник, потом, после принятия сана, служитель (служительница), иногда их еще называют служками, если пренебрежительно, чуть выше — настоятель (настоятельница), над ним архон. Как правило, настоятель заведует храмом или монастырем, архон уже отвечает за определенную область страны, свой район или иногда большой город с предместьями. Самый высший соборный чин — адарон. Стоит над всеми архонами и считается по умолчанию непогрешимым. По уровню власти примерно равен королю. (Прим. авт.)

Выслушал и понял, что дело выходит за рамки его полномочий.

Настоятель оказался неглупым, он пригласил архона, и уже тот отвел девушку к королю.

Его величество выслушал и поверил. Тем более что пришло уже письмо из Торнея, с требованием дяди маркиза покарать мерзавцев, которые украли его племянника...

Малыш был копией и самого Арреля в детстве, и Остеона. Надеяться, что это сходство никто не заметит, а тем более что дядюшка пощадит малыша или Рида спасут второй раз? О, таким наивным Аррель не был!

Состоялся разговор с сыном, впрочем, Остеон отца не слишком осуждал. Мать в могиле, почему бы и не поискать себе утешений. А что выбрано оказалось неудачно...

Умные женщины в такой ситуации плод тратят или мужа, но уж никак не доводят дело до подобной развязки! Тем не менее единокровный брат пищал в пеленках, и с ним надо было что-то делать.

Король поступил просто.

В Торней был отправлен грамотный управляющий — для солидности с небольшим отрядом королевских гвардейцев, которые на месте популярно объяснили новоявленному родственничку, что отнимать у сироты последнее — нехорошо. Собор такого деяния не одобряет.

Дядюшка внял, подлечил синяки и переломы и отправился восвояси.

Аррель по-человечески поговорил с женой Остеона, и малыш остался при дворе. Его величество приказал обвенчать Мелиссу с тем самым конюхом, Мартином, причем никто из них не возражал, и оставил

их воспитателями при мальчике. Подарил домик в столице и нашел конюху должность на королевских конюшнях. По трудам и награда...

Правда, история так подкосила его величество, что примерно спустя год-полтора он умер, но в судьбе мальчика уже ничего не поменялось. Остеон был глубоко порядочным человеком, брата не бросил бы никогда, а что вслед малышу шипят: «бастард», «ублюдок» и «кукушонок»...

На каждый роток не накинешь платок. Зато сильнее станет.

Рид и стал.

Хромота совершенно не мешала ему владеть оружием, а на лошади так и вовсе была незаметна. Меллисса, которую он с детства звал тетей Мелли, малыша обожала, Мартин научил его обращаться с лошадьми, а неприязненные взгляды...

На взгляды — плевать, на слова можно ответить вызовом...

И в дуэлях Рид преуспел настолько, что Остеон попросту отправил его на границу. У мальчишки кровь кипит, а у короля поголовье дворян уменьшается? Пусть удовлетворяет свои кровожадные инстинкты с пользой для государства! И никак иначе!

Аллодия расположена очень неудачно — на юго-востоке от нее Степь. Со всеми вытекающими, а именно — кочевыми племенами, объединенными нехитрой философией: «надо грабить». Чем они и занимаются регулярно, так что на границе со Степью приходится держать «Стражевой пояс» — кольцо крепостей, расположенных так, чтобы гарнизоны в случае осады успевали прийти друг другу на помощь.

Вот туда Остеон и отправил братца.

За шесть лет на границе Рид научился владеть любым оружием, от копья до дубины, ездить на любом животном, пить все, что горит, ругаться, как заправский сержант, драться, как сам Паук,¹ и приобрел определенный жизненный опыт.

Жестокий, иногда даже слишком...

При дворе Риду было уже откровенно скучно. Но брат вызывал раз за разом...

Рид не спорил. Что уж там, Остеон во многом заменил мальчишке отца, учил, воспитывал — как мог и когда выбирал время. Рид и с Найджелом бы дружил, но ее величество Лиданетта оказалась сумасшедшей матерью и буквально не спускала мальчишку с рук.

Как-то просто не сложилось... это бывает.

Так и проходила жизнь Рида.

Полгода на границе, три месяца при дворе, три месяца дома, и придворную жизнь можно променять на приграничную — не жалко. Меньше яда наберешь. Сейчас Рид отдыхал от трудов на благо родины в родном Торнее. Ведь одна и та же страна, а какая разница!

На границе со Степью — кустарники, редкие родники, все желтовато-коричневое и пыльное. В Торнее, заслоненном от суховея горами, зеленеют леса, обильно питаемые водами Калы, и в изобилии водится разная живность. Вот сегодня он и...

Друзья?

¹ В этом мире воплощением мирового зла сочли паука. Восьмилапый, плетет паутину, иногда еще и ядовит... Так что — Паук, Хозяин Пустоты, Плетущий судьбы, Путающий нити, Разрывающий дорогу, Кровопийца и проч. — наименований много. Считается также непревзойденным воином, когда снисходит на землю позабавиться с людьми — глаз-то до двенадцати штук и рук восемь. *(Прим. авт.)*

Если кто-то думает, что это соседи, он жестоко ошибается. Где служим, там и дружим. Рид, пробыв на границе едва не половину своей жизни, совершенно не считал зазорным пожать руку простому солдату, поделиться с ним водой из фляжки или поболтать о чем-то мирном. О бабах, к примеру.

Не осведомлены солдаты о поэзии, вот и приходится довольствоваться малым...

Маркиз? И простонародье?

Когда живешь от налета до налета, когда от этого простонародья зависит твоя жизнь, когда вместе с ними закрываешь глаза мертвецам, а потом идешь в пески, чтобы мстить, — не думаешь о подобных мелочах.

К шервулям в пасть простонародье, а это — братья по оружию.

И отставников Рид приглашал к себе в поместье. Тех, кто научился выживать, воевать и не сдаваться. Возраст отставки на «Стражевом поясе» — сорок лет. Это еще прапрадед постановил так, чтобы солдат успел и дом построить, и детей вырастить...

Опять же, сорок лет. Как ни крутись, как ни изворачивайся, а пора дать дорогу молодежи. И зрение не то, и выносливость подводит потихоньку. Но уж кто до сорока доживает — те становятся не просто профессионалами меча. Рид искренне считал, что даже королевские гвардейцы могут не выстоять против его ребят. У тех-то опыт парадный, а у его людей — боевой. Разницу понимать надо!

Уйдя со службы, солдаты приезжали в Торней, получали небольшую сумму подъемных, место, чтобы поставить новый дом, и предложение еще лет пять послужить на благо его сиятельства. Обычно никто не отказывался.

Кто-то находил себя в замковой страже, кто-то в свите маркиза — его личной гвардии, кто-то селился на границе маркизата...

Торней находился как раз у истоков Калы, а тут тебе и контрабандисты — разводят их на реках, что ли, — и горы, с которых чего только не лезет — от диких зверей до нелегальных старателей, можно подумать, что в тех горах тебе самоцветы горстью насыпаны. Тут же и граница с Калиндом...

Пусть Калинду не до Аллодии, он уж сколько веков грызется с Данзой, но мало ли?

Горячие головы есть везде, и чтобы охлаждать их, всегда будут нужны профессиональные военные. Всегда и везде.

Скучать не придется никому, работа найдется каждому.

Но что понадобилось от Рида брату-королю?

Ладно! Сегодня пир, завтра похмелье, а послезавтра и выехать можно.

Глава 2

Матильда Домашкина

Приятно осознавать, что ты — дура.

Зато не питаешь никаких иллюзий и можешь спокойно подготовиться к худшему.

Если это когда-то и кого-то утешало... что тут скажешь? Дура и есть дура.

Матильда (для бабушки Мотя, для друзей Тильда, для всех остальных исключительно полным именем, спасибо маме) про себя это точно знала. Вот и сейчас стояла она перед домом, думала, что дура, и не уходила. В доме пицал котенок.

Есть такие дома...

Наверное, в каждом городе можно найти улочки, застроенные частными домами. Иногда они располагаются почти в самом центре...

Когда в свое время переселяли людей, строили этикие полубараки — все удобства во дворе, вода из колонки, общий двор. Не коммуналка, но все равно приятно мало. Шесть-семь квартир в доме, все и всё на виду у соседей, стены фанерные, комнатушки крохотные, а кухня совмещена с коридором.

Для тех, кто лишился всего во время войны, кто жил только что не в землянках, это было неплохим выходом.

Тогда.

Сейчас же...

Город растет, полубараки оказываются в центре города, и возникает резонный вопрос. А нужны ли они там?

Ежели что — земля под застройку ценится высоко, снести таких барачков штук пять, а на их месте построить скромный домик этажей так на шестнадцать. С «элитными» квартирами.

Поверьте, прибыль будет. И очень неплохая, особенно если ты на дружеской ноге с городскими властями. Нет-нет, никаких взяток, просто искренняя дружба. Чистая и прозрачная, как стеклышко.

Что происходит с обитателями самих домов?

А тут уж как повезет. Дом, к примеру, могут расселить. Жил ты в центре, а будешь жить на окраине. Было у тебя сорок квадратов — столько и будет. Зато квартира отдельная... ну, качество постройки — это вопрос, но хоть воду таскать с улицы не надо.

Это для понимающих людей.

А для тех, кто стоит на пути прогресса, могут найтись и иные средства убеждения. К примеру, полыхнет старый дом, и выскочат люди, в чем были. Хорошо, если документы с собой прихватят...

Нет-нет, это не злой умысел, это — трагическая случайность. Электричество к полубаракам тоже подводят кое-как, счетчики скручивают, специалистов не вызывают, обходясь «дядь Васями» или «дядь Колями», а уж откуда у тех руки растут...

Дело житейское.

Вот перед одним из таких сторевших памятников Второй мировой и стояла Матильда. Поджечь его уже подожгли, а разобрать и начать строительство высотки еще не успели. Дом чернел балками, щерился на мир выбитыми окнами и не ждал от жизни ничего хорошего.

А в доме плакал котенок.

Что в таком случае сделает нормальный человек?

Подумает, что в доме могут быть бомжи — к примеру. Или пол провалится — после пожара что хочешь может быть. Или побоится пачкать новые туфли и понадеется на добрых людей, которые выручат бедную кису... Он, конечно, тоже добрый, но...

Матильду останавливали первые две причины. Остальное ее не пугало. Спортивная подготовка у нее была хорошая, старые джинсы и ботинки стиля «говнодав» грязи не боялись, но...

В конце концов она махнула рукой и полезла через бурьян к остаткам закопченной двери, висевшим на одной петле. В одной руке Матильда крепко сжимала баллончик с дезодорантом, в другой зажигалку...

Средство самообороны?

Если никому в глаза не попадало из такого баллончика — можете ехидничать. Но можно и зрения

лишиться от таких радостей. А еще можно таким образом устроить мини-огнемет. Секунды на три, чтобы не разорвало ничего в руках, но противнику обычно хватает.

Этот барак устроили в свое время по типу коммуналки — вход, широкая кухня-прихожая на несколько семей, а уж оттуда, из нее, двери в комнаты.

Матильда прошла по прихожей, осторожно ступая по почерневшему полу в проплешинах от пожара, покосилась на останки плит и столов и подошла к нужной комнате.

Пнула дверь ногой...

Он сидел под кроватью и плакал.

Маленький, не больше месяца, видимо, потерялся. Или мама ушла да погибла. Или просто «добрые люди» бросили. Мол, пусть сам подохнет, а я и ни при чем буду...

— Кис-кис-кис, — позвала Матильда.

Котенок пискнул и забился дальше под кровать. Маленький, серый, дымчатый, словно пуховая vareжка, с зелеными, уже сейчас видно, глазами. Кажется, людям он не верил.

Это правильно, но как его спасти? Не на живот же ложиться в эту грязь?

Матильда чертыхнулась и вытащила из сумки очень полезную вещь — пакеты из сетевого гипермаркета. А что? Конечно, можно купить их на месте, но, во-первых, зачем нам столько пакетов, а во-вторых, всё денежка.

Два больших пакета расстелились на закопченном полу, Матильда встала на них коленями и потянулась за котенком. Тот треснул ее лапкой по руке и забился в самый угол, откуда малявку было не выдрать без швабры.

Матильда чертыхнулась вторично и попробовала отодвинуть кровать.

И получилось.

Когда-то это была хорошая, качественная кровать, но после пожара то, что от нее осталось, поддалось даже слабым девичьим рукам.

Котенок был настолько поражен разрушением его единственного убежища, что не сопротивлялся, когда Матильда вытащила его за шкурку из угла и пристроила к себе под мышку. Наоборот, обнюхал человека, пискнул, а потом заурчал, как взрослый кот, и начал сворачиваться клубком, доверяясь знакомому человеческому теплу.

Ты ведь меня не предашь, правда? И не обидишь? Я же маленький...

— Беспризорник, — припечатала Матильда и собралась уже уходить, когда...

Что блеснуло в спинке кровати?

Гвоздь?

Матильда не была бы женщиной, если бы прошла мимо и даже не взглянула на источник блеска. И...

Кажется, когда-то спинка кровати и делалась как тайник. Из двух кусков дерева. Но потом про него или забыли, или что-то случилось с хозяином...

Спинка отходила, и в щели виднелся небольшой предмет. Величиной примерно с ладошку... нет, чуть побольше.

Матильда вытащила его, подцепив пилочкой для ногтей, примерно с пятой попытки, и стряхнула остатки тряпки, в которые он был завернут.

Зеркало.

Совсем небольшое, аккуратное, в старинной вычурной оправе, черного цвета, интересно, что это за металл? Кое-где еще сохранилась позолота, но оправка

поцарапана, словно зеркалом орехи кололи. Но на самом зеркале нет ни царапины, ни скола... Странное стекло, золотистого цвета, явно очень старое зеркало.

Матильда погляделась в него.

Девушка из-за стекла поглядела на Матильду. Красивая...

Высокие скулы, большие глубокие глаза, кожа чистого теплого оттенка... Это она?

Да, она.

Матильда сунула зеркало поглубже в сумку, чтобы не разбить ненароком, в какие-то бумаги, которые там постоянно валялись, поудобнее пристроила котенка и сумку и принялась выбирать из дома.

Эту находку она никому не отдаст. И никому не покажет, тем более что и показывать-то некому...

* * *

Чтобы водить машину — то есть грудку прессованного железа с добавками стекла и пластика, в нашей стране требуется сдать на права. И по всему миру — тоже.

Чтобы завести ребенка — не нужно ничего. Только потенция и способность к оплодотворению. А ведь это серьезнее, чем машина. Вы не просто водите железяку по дорогам, вы приводите в этот мир новую жизнь. И отвечаете за нее. Наверное... в лучшем случае.

Что думают по этому поводу сами дети? Особенности те, кто явился результатом юношеской неосторожности?

Ох, ничего хорошего о родителях вы от них не услышите. Ни-че-го.

Матильда была «плодом любви» не в лучшем смысле этого выражения. Молодой парень после армии, молодая девушка вскоре после выпускного...

Любовь?

Да!

Она полыхнула, накрыла волной, унесла, закружила, а потом отхлынула и оставила последствия в виде третьего месяца беременности. К чести парня, жениться он не отказался. Да и попробовал бы он отказать — с Мотиной бабушкой! Вариант «под дулом ружья» оказался бы наиболее гуманным.

Женился, пожил несколько месяцев с женой, тещей и токсикозом, потом послушал детский плач по ночам, а потом, в один прекрасный день, вышел из дома — и исчез. Вместе с очередной зарплатой и всеми своими документами. Бабушка махнула рукой сразу, произнеся сакраментальное: «козел с возу, волки сыты». А вот мама Матильды так не поступила.

Она помчалась за мужем, справедливо полагая, что он отправился к своей родне аж в Нефтеюганск. Там и потерялась, на просторах между Воронежем и Нефтеюганском, пару раз проявив себя в слезливых письмах.

Бабушка произнесла: «Баба с возу — кобыле легче!» и принялась воспитывать Мотю.

Тут надо сказать пару слов о бабушке Майе, ибо особа это была во всех отношениях примечательная. И замечательная. Всеми, кто оказывался рядом с ней.

Для начала она умудрилась родиться девятого мая 1945 года.

Счастливые родители принесли дитяtko и попросили паспортистку записать дочку Победой. Или хотя бы Сталининой.

Паспортистка (святая женщина!) умудрилась объяснить родителям, что они-то радуются, а ребенку с этим именем еще сто лет жить. Может, есть вот замечательное девичье имя — Майя? Майское, как и положено?

Родители согласились, но, видимо, первоначальные намерения как-то отпечатались на ребенке. Ибо характер у Майечки оказался стальной и победительный.

Золотая медаль, диплом с отличием, комсомолка, спортсменка, красавица... Только вот характер такой, что мужчины смотрели с восхищением, но издалека. Очень издалека и осторожно. Ближе подходить было страшно.

Тем не менее герой нашелся. О дедушке Майя никогда не рассказывала, ограничившись кратким: «Он свою работу выполнил», да Мотя и не настаивала. Хотел бы — интересовался бы и женой, и дочерью Машей. Не хотел? Ну и нам тебя не надо. Обойдемся.

Мария выросла, и тут Майя поняла, что допустила грандиозную ошибку.

Прямо-таки непоправимую, фатальную и страшную. Мария выросла глупой, бесхарактерной, безвольной и сильно увлекающейся мальчиками. Страшное сочетание. К тому же она была хорошенькой. Светлые волосы, большие серые глаза...

Результат остался на руках у бабушки, которая пообещала себе не повторить ошибку и принялась воспитывать малышку. На дворе царили кризисы и дефолты, приходилось бабушке работать и уборщицей, и вахтером, и торговать на рынке...

В результате маленькая Мотя — спасибо маме, решившей, что три поколения женщин, чьи имена на-

чинаются с «М», это так изысканно! — умела ругаться матом примерно с пяти лет, косичкам и бантикам предпочитала стрижку «под каре», юбкам — штаны. А когда в первом классе ее кто-то попробовал обозвать «Матяшкой-какашкой» и «Машкой-домашкой», недолго думая нежная девочка развернулась — и приложила обидчика портфелем по голове.

Сотрясения не было, но в учительской дитяtko заявило во всеуслышание, что это — потому что у оппонента нет мозгов.

Учителя прониклись сразу, одноклассникам потребовалась еще пара уроков, но в итоге Мотя спокойно закончила школу, хотя и без золотой медали... Зато — с самыми высокими результатами по ЕГЭ.

Куда может поступить девушка из достаточно бедной семьи, с больной бабушкой и бабушкиной пенсией? Уж точно не на престижные факультеты. И даже не на дневные, ибо кому-то и работать надо.

На заочное.

На факультет делопроизводства.

В отличие от бабушки, которая в свое время была отличным архитектором, Мотя физически не была способна работать с числами. А при словах «интеграл», «дифференциал», «сопромат» у нее начиналась сильнейшая зубная боль. То есть — бухгалтерия тоже отпадала.

Менеджмент? Продавцом в магазине Мотя и так работала. Регулярно.

Итак, факультет делопроизводства, ибо бумажных червяков у нас много, авось где и понадобится. А пока подрабатывать хоть чем и хоть как.

Жизнь была относительно стабильна — до определенного момента.

Два месяца назад умерла бабушка Майя. Конечно, и возраст почтенный, но могла бы и еще пожить! Могла бы!

Но возраст возрастом, а Паркинсон — паркинсонизмом. Увы, болячка эта страшная, коварная и долго пожить не дает, как ни ухаживай. Бабушка уж и тому была рада, что до последнего сохраняла ясный рассудок. Успела оформить квартиру на Мотю, написав договор аренды, присовокупила к ней гараж, дачку — шесть соток и даже умерла не просто так. Из принципа дождалась пенсии и умерла через два дня после ее перечисления.

Мотя горевала искренне. Одни ведь, на всем белом свете...

Теперь она осталась без близких. Но пропадать не собиралась.

Пьянки, гулянки и великая любовь отметались сразу. Наркотики? Туда же, в топку.

Первым делом — получить образование.

Вторым — найти работу и проработать на ней не меньше пяти лет.

Третьим — найти мужа. Ради ребенка. Чтобы не был незаконнорожденным, ну и конечно, если муж с ней не уживется, то и ради алиментов. Хоть копейка, а наша.

И к этим вопросам Мотя собиралась подходить очень серьезно и ответственно. Не как ее мамаша с папашей, сделали ребенка и свалили налево... каз-злы! Сталина на них нет, как говаривала бабушка!

А у нее вот есть зеркало и кот... или кошка?

Черт его знает...

Да, зверя ей точно не хватало... сейчас — точно.

Мотя шла не просто с работы, она получила полный и окончательный расчет. Ей удалось устроиться

в небольшую юридическую конторку на должность: «подай-принеси-отксерь-напечатай», которая в трудовой книжке значилась как младший специалист кадрового отдела, ну а по-простому — девочка на побегушках у всей конторы. Крутиться приходилось весь день, но Мотя не возражала. Параллельно она подрабатывала разносом и расклейкой рекламы, еще принимала на свой телефон звонки из одной псевдо-фирмочки... Денег хватало даже без бабушкиной пенсии, хотя контора была основным источником дохода.

Увы...

Источник пересох резко, но вполне ожидаемо. А нечего было ее за зад хватать да еще шептать: «Тебе будет хорошо со мной, лапочка!» Ну носит она по летнему времени джинсы и майку с разрезами. А вы помотайтесь по городу, когда в тени плюс тридцать пять! Или рюкзак потаскайте со всяким барахлом... в офисном костюме — самый смак! И на шпильках — тоже!

Матильде было и невдомек, что сильная и гибкая фигурка под потертыми штанами выглядит намного сексуальнее, чем прилизанные прелести офисных работниц. Вот директора и потянуло на клубничку.

В настоящее время он думал, как объяснить супруге фонарь под глазом, а Мотя, уволенная с выходным пособием (пытались — без, но она пригрозила, что пойдет к супруге директора и все ей выскажет, терять-то нечего), топала домой.

Ровно до дома с котенком.

А, ладно! Прорвемся, блохастый...

И девушка решительно завернула к зоомагазину.

За прилавком стояла соседка по дому, тетя Инна, которую Мотя знала вот уже лет восемнадцать — сколько сама жила. Ладно, почти восемнадцать, будет через два месяца, но все же! К ней Матильда и

обратилась, предъявив блохастого Беспризорника, сокращенно — Бесика.

Теть Инна заахала, заохала, сказала, что идея неплохая, если скотинку пригреть, хоть будет кому дома встретить, и озаботилась всем остальным.

Мигом обнаружилось, что это кошечка-девочка, так что Бес разросся до Беси.

Что котенка надо бы прививать и прокапать от блох, но это ты делать погоди. Есть такие группы, которые помогают беспризорным животным, вот адресок, телефон, спишись с ними. Я им тоже свистну, у них обычно ветеринары свои... ты хоть знаешь, во сколько обходятся эти зооосмотры? Примерно как техосмотр некоторых машин. Или у тебя деньги лишние?

Деньги были не лишними.

Мотя поблагодарила и получила в нагрузку треснутый лоток («Хозяин сказал выкинуть, а я вот и припрятала»), драные пакеты с наполнителем для лотка и кормом и даже пару надколотых керамических мисочек, шампунь (протекший) и коврик для зверя. Все это было из разряда «на тебе, убоже, что мне негоже», но Матильда искренне поблагодарила. Цену на новое добро она в витрине уже видела. И даже подсчитала, сколько это получится...

Дорого.

Доброта всегда обходится дорого.

* * *

Дома Мотя вымыла Бесю с шампунем и попробовала накормить молочком. Кошечка неумело, но отважно лакала из тарелки, перемазавшись по самые уши, забавно возилась, а когда наступил вечер, решительно забралась к Матильде на кровать.

Мотя попробовала ссадить ее на коврик, но тут раздался такой жалобный писк, что сердце девушки дрогнуло, и котейка заняла место рядом с подушкой.

Девушка погладила кошечку, та замурлыкала и перевернулась на спинку, раскрывая в стороны лапки и доверчиво подставляя брюшко, поросшее пока еще негустой, но пушистой шерсткой.

И только тут Мотя вспомнила про свою находку.

Зеркало же!

Черт побери!

Мотя принесла сумку и вытряхнула все содержимое прямо на пол рядом с кроватью. Так... что тут у нас?

Квитанция за квартплату, конверт с расчетом, черновик контрольной, выкинуть, зачетка, список покупок, еще один список...

Ага!

Зеркало удобно легло в руку.

Небольшое, круглой формы, с удобной ручкой и даже колечком... кажется, нечто подобное носили на своем поясе знатные дамы невесты когда... Историю костюма Мотя знала плохо. Но если это так — зеркалу лет триста, не меньше.

Брр...

Мотя повертела его в руках.

Красивое, чеканное, видно, что не ширпотреб, которым сейчас полны все магазины, вплоть до антикварных, на обратной стороне зеркала гравировка — лань застыла в прыжке. Красивая зверушка, но уж больно безобидная. Рысь бы изобразили, что ли?

Себя Мотя к ланям не относила ни с какой стороны, но зеркало нравилось. Нравилась его уютная

тяжесть в руке, нравился золотистый цвет стекла, нравилось свое отражение в глубине...

Дорогое? Да, возможно.

Продать? Что она, дура, что ли?

Да, вопрос стоит именно так. Только дура пойдет в антикварный магазин продавать вещь, цены которой не знает. В лучшем случае ее облапошат в три секунды. В худшем же...

Либо ограбят, либо обворуют, это уж как повезет, но зеркала у нее не будет. А может, еще и здоровья, денег и жизни.

Вдруг повезет наткнуться на честного антикара? Фантастику Мотя откровенно не любила и в повседневную жизнь тянуть не собиралась.

Оставим зеркало у себя. Пусть талисманом будет...

Матильда провела пальцем по оправе.

Ой!

Черт побери!

На пальце набухла капля крови, и Матильда поскорее сунула его в рот. Видимо, где-то в оправе трещина или скол... бывает. Надо залить фурацилиновым спиртом и им же протереть зеркало. Небось, на нем бактерий, как, как... много!

Это девушка и сделала. А потом с чистой совестью отправилась спать, сунув зеркало под подушку. И уже не чувствовала, как хитрющая Беся закинула на эту подушку сначала одну лапку, потом вторую, а потом и все четыре. И перебралась сама, свернувшись калачиком на голове у хозяйки.

А что?

Так теплее. И безопаснее. А она — кошечка маленькая, ее каждый обидеть может... мур-р-р-р-р...

Мария-Элена Домбрийская

Карету подали к восьми утра.

До этого времени Мария-Элена уже успела сходить на молитву, получить причащение у служителя — единственного мужчины, который допускался в обитель, — позавтракать (овсянка на воде, кусочек хлеба с крохотным кусочком сыра и вода), собрать вещи и даже побеседовать с матушкой-настоятельницей, которая вручила ей клетку с двумя голубями — серым и белым.

— Я буду ждать вестей от тебя, дитя мое.

— Я обязательно напишу, матушка. Благословите меня.

— Да пребудет над тобой воля Его и доброта Ее. Иди с миром, дитя мое.

Малена осенила себя святым ключом и привычно опустила глаза.

— Аэссе.

Мамины платья она надеть так и не решилась, покидая монастырь в грубой одежде из серого сукна. Единственное отличие — под одеждой покоилось мамино зеркало. И прикосновение кожи к теплomu металлу оправы как-то успокаивало. Словно мама была рядом.

Словно рядом был хоть кто-то... как же страшно!

Отец небесный, будь милосерден. Мать-заступница, смилуйся...

Карета ждала за воротами. Роскошная, отделанная золотом, вся в узорах и завитках, с гербом Домбрийских на дверце — ланью в прыжке. И на минуту герцогесса почувствовала себя такой же ланью. Загнанной, испуганной, которой не уйти от охотника.

— Ваше сиятельство, — поклонился ей молодой мужчина в цветах Домбрийских, — позвольте представиться. Дорак Сетон, начальник вашей охраны.

Малена кивнула, не поднимая головы.

— Благодарю вас, господин...

— Прошу вас пожаловать в карету. Мой отряд будет сопровождать вас домой, в Донэр. В карете вас уже ждет горячий завтрак и теплый плащ, а если вы что-то пожелаете, обращайтесь ко мне. Я сделаю все, что в моих силах, ради вашего удобства.

— Благодарю вас, господин.

Второй раз получилось увереннее. И глаза поднять тоже получилось, словно кто-то толкнул под руку.

Мужчина смотрел на Марию-Элену и улыбался. Высокий, черноволосый и синеглазый, белозубый и мускулистый, живое воплощение девичьих грез.

Точно бабник...

Откуда у герцогессы возникла в голове последняя мысль, она и сама бы не сказала. Звучало это удивительно вульгарно, но решительно.

— Прошу вас, госпожа. Окажите мне честь...

Дорак опустился на одно колено, как следовало по придворному этикету, и протянул руку, обернутую плащом, чтобы дама опиралась, входя в карету. Малена, покраснев до кончиков ушей, неловко коснулась пальцами плаща, шагнула на первую ступеньку, пошатнулась, едва не упала...

Спас положение Дорак, вовремя подхвативший даму под локоть и перенаправивший вместо лужи — в карету.

Мария-Элена пискнула что-то невразумительное, но дверца уже закрылась, и девушка оказалась в обитом бархатом полумраке. Отдернула занавески, осторожно взгляделась...

Дорак командовал людьми, которые рассаживались по коням. Вот он сам взлетел в седло, лихо, почти

не касаясь стремени, и махнул рукой. И карета двинулась вперед.

Герцогессе было откровенно страшно.

Она достала из кармана четки и привычно вспомнила молитву: «Отец милосердный наш...»

Молитва почему-то не помогала. Даже наскучила, что было и вовсе странно. Мария-Элена вздохнула, потом укуталась в плащ, лежащий на противоположном сиденье, и достала зеркало.

Оттуда на нее смотрела совсем другая девушка.

Уверенная, решительная, серьезная... ах, если бы она была такой!

А ей — страшно, так страшно...

А пахнет вкусно. Особенно после овсянки. Интересно, что в корзинке?

Малена хоть и привыкла к монастырской умеренности, но все же была нормальной, живой и здоровой девушкой, с таким же здоровым аппетитом.

И через несколько минут салфетка, которой была накрыта корзина, полетела в сторону, а в руках у монастырской воспитанницы оказался громадный пирог с мясом. С поджаристой хрустящей корочкой.

Переживания? Подождут!

И девушка занялась пирогом, не обращая внимания более ни на что. Он же с мясом, с соком... Марии-Элене совершенно не хотелось закапать все соком, измазаться и выглядеть как поросенок.

Уммм... как же вкусно! Просто невероятно!

* * *

Дорак Сетон покосился на карету и едва спрятал презрительную усмешку.

И вот это — Домбрийская?

Вот эта серая бесцветная мышь?

Да на нее без слез не взглянешь, она же страшна, как смертный грех. И, судя по всему, — так же глупа, как грешники. Такую можно украсить лишь очень серьезным приданым... к примеру — герцогством Домбрия. Но вряд ли родственники уделят ей хоть кусочек от пирога...

Ну и поделом.

Удел серых мышек — быть пищей для кошек и котов. Это закон жизни...

Разумеется, себя храбрый капитан относил к последней категории, но позариться *на это*?

Столько даже он не выпьет...

То ли дело — ее мачеха. Вот уж кто выглядел великолепно, так это Лорена Домбрийская. Высокая, стройная, с длинными светлыми волосами, уложенными в сложную прическу, с громадными голубыми глазами и потрясающей фигурой. Руки так и тянулись...

Капитан аж зажмурился от приятных воспоминаний...

Вот дочка у ее светлости не удалась. Не в маму.

Но зато глазками на все стороны так стреляет — только звон идет. В самом соку девка, мужа ей искать пора, только вот без приданого даже на герцогскую падчерицу охотников немного. Отчим мог бы ей выделить долю, но матери Силанты нужна не доля. Ей нужно все.

И она свое получит, без сомнения. Ну что эта мышь может противопоставить Лорене?

Дорак покосился на карету, в которой сидела герцогесса. Сидела тихо-тихо, подтверждая мнение капитана о ее мышьиной породе, даже шторы не открывала. Что такая может? Да ничего, только молиться и

плакать. Чему их еще могут научить по монастырям? Покорись, дочь Его, смирись, дочь Его, принимай с покорностью любые испытания, выпавшие на долю твою, — и молись, молись, молись... очень удобно для всех, кроме самой девицы. Но кого интересует ее мнение?

Была бы хоть красивая, а то... в кого бы ни пошла эта мышь, но точно не в отца. В мать?

Или там и другой отец был? Кто их, герцогинь, знает?

Ах, Лорена, Лорена...

Дорак вспомнил, как рассыпались дождем по груди золотые волосы, как светилось розовым в полумраке нежное тело, как стонала под ним женщина, и почувствовал, что на коне стало несколько неудобно. Но не в карете же проситься?

Это с Лореной они однажды, в карете... не в этой, правда, в другой, но было, было что вспомнить. И за поездку Дораку обещана награда...

И кто эти штаны шил? Сволочи! Тесно же...

Лорена Домбрийская, замок Донэр

Ее светлость в данный момент не думала о любовных утехах. Она встречала королевскогостряпчего. Лично.

Конечно, она — герцогиня, а это простойстряпчий, быдло, чернь площадная, но если уж господину Тальферу доверяет Его Величество...

Тут и герцогиня может благосклонно приглядеться к мужчине, а может, и найти в нем союзника? Почему нет? Она — красивая молодая женщина, он — мужчина, нельзя сказать, что красивый, но не старый... попробовать-то всяко можно!

Так что Лорена лично вышла во двор и, улыбаясь, пошла к карете, из которой, отдуваясь и сопя, вылезал мужчина. И тут же испытала разочарование.

Это?

Тот самый господин Тальфер?

Верилось с трудом.

Господин Тальфер был фигурой примечательной, в Аллодии, да и за пределами страны о нем не судачил только глухой.

Барист родился в семье зажиточного купца Жареля Тальфера, но далеко не первым сыном. Шестым ребенком.

Четыре сына, две дочери... тут не купеческое состояние нужно, чтобы всех обеспечить. Но мальчишка рос смышленным. Дома его не ждало ничего хорошего, разве что место приказчика в лавке при старших братьях, но Бариста это не устраивало. Рано поняв, что в этом мире надо пробиваться самостоятельно и лучше всего найти себе хорошего покровителя, Барист недолго думая отправился в ближайший монастырь. Послушником.

Как уж он там молился — никому не известно, а что вот монастырь святого Карена Рукоположителя стал богатеть день ото дня, заметили все. Не слишком известный храм, все достоинство которого заключалось в его расположении рядом со столицей, принялся прирастать, богатеть, нанимать людей то на стройки, то для других работ...

Так что на храм обратил внимание архон Аллийский, Реонар. Он предложил послушнику перейти к нему, Барист помялся для вида, набил себе цену — и согласился.

По странному совпадению принялся богатеть и архон. Свой первый монастырь Барист тоже не забы-

вал, так что настоятель чуть ли не в каждой молитве возносил благодарность небесам за такого умного и услужливого молодого человека. Молился он с душой, вдохновенно, и Он, всеслышащий, не остался глух к мольбам.

Как известно, не ворует лишь его величество, потому как у себя самого воровать — дураков нет. А вот его чиновники — воруют, их помощники — воруют, на местах — воруют...

Говорят, что когда-то и где-то видели честного чиновника, но найти его не удалось даже силами Собора, так что явление чуда не состоялось. Это в лавке Барист не мог окинуть взглядом всю картину и оценить количество денежных рек, которые утекали налево. А в качестве личного распорядителя финансами господина архона — мог. И обратил.

Сообщив своему господину, что королевский министр финансов не ворует только когда спит. Вот документы, вот доказательства, столько собрано, столько попало в казну, столько мимо казны... Кто-то думает, что храмы — это просто так? Не-ет, туда народ приходит делиться своими горестями, и информации туда стекается ох, много. А кто владеет информацией, тот владеет и миром. Или очень нескромным его кусочком.

Тальферу мир не был нужен, но и делиться деньгами своего начальника он совершенно не собирался. Архон подумал, да и отправился к его величеству.

Остеон прочитал бумаги, тоже подумал, кое-что проверил — и прогневался. Министр финансов полетел с должности и приземлился в королевской тюрьме, Алавере, где из него принялись вытряхивать все наворованное. А Барист своим поступком привлек внимание короля.

Как известно, Он на небе, но на земле есть свои владыки, с коими связываться опасно. А потому...

Архон Реонар Аллийский поторговался немного с его величеством, и они договорились о совместной эксплуатации молодого дарования.

На место министра финансов Барист не претендовал, справедливо полагая, что сыну купца жить спокойно не дадут. Никогда. Дворяне не потерпят, их честь будет оскорблена, и все в том же духе. А ему-то работать надо! И не отвлекаться на разные глупости!

Его величество мог бы своей волей даровать ему титул, рывкнуть на слишком умных, а то и отправить кое-кого в Алаверу, но если Бариста все устраивает? Зачем городить огород?

Барист получил звание личного стряпчего его величества и возможность работать с большими деньгами. А заодно проверять всю финансовую документацию короля. И Остеон ни разу не пожалел о своем решении.

Господин Тальфер был умен, трудолюбив, изобретателен и талантлив в том, что касалось денег. В остальном же...

Он заработал себе дом, но жил в одной комнате, плохо представляя, что делать с двумя дюжинами оставшихся. Купил выезд, но до дворца всегда ходил пешком...

Его величество подумал еще немного — и огляделся по сторонам. При дворе, как известно, есть много бесприданниц с титулом. Кто-то из них опускается и становится придворной шлюхой, а кто-то выбивается в люди. Выходит замуж, иногда удачно, иногда нет...

Жанетта Вилойская была из тех, на кого лишний раз не позарятся. Полненькая, невысокая, с рыжими

от природы локонами, невнятно-зеленоватыми глазами и веснушками по всему лицу...

Нет, не красавица. Даже круглое ее лицо, если кто-то давал себе труд разглядеть его под веснушками, было вполне простонародным — курносый нос, широкий рот, маленькие глаза...

Но у девушки было два достоинства. Во-первых, природная смекалка, которая позволяла ей дружить со всеми, и, во-вторых, она была единственной дочерью бедного дворянина. Что там тот Вилой? Плевок на карте, точка карандашная, но он давал титул. И его величество мог своей волей отдать этот титул детям Тальфера, таким образом сделав их дворянами. Никто и не пикнет, так поступали...

Жанетта подумала — и согласилась. Барист также подумал — и согласился. А его величество лично был посаженным отцом у невесты, затыкая рты всем сплетникам.

Брак оказался неожиданно удачным.

Жанетта родила шестерых детей, правда, двое у нее умерло, нежно заботилась о Баристе, который прекратил жить в одной комнате, питаться всухомятку и сотворять святой ключ при словах «уборка» и «портной». Она редко появлялась при дворе, предпочитая свой дом, занималась детьми и была совершенно счастлива.

Барист жену не любил, но относился к ней очень хорошо. Не ограничивал в тратах, восстановил Вилой, развел там замечательные виноградники и собирався делать свое вино, для чего пригласил специалистов аж из Грата. Одним словом, горшок нашел крышку. А его величеству Барист был предан всей душой и любого врага государства лично загрыз бы зубами.

Вот этот человек и вступал сейчас под своды Донэра.

Внешне же...

Черные волосы до плеч, невысокая фигура, больше всего похожая на колобок с короткими ручками и ножками, яркие черные же глаза-изюминки на круглом лице... не красавец. И вообще, булочник или молочник... наверное. Это — с первого взгляда.

Со второго...

Да, Барист не носил меча, он вообще не умел пользоваться оружием, ему всю жизнь было плевать на моду, он одевался так, как ему удобно, но глаза его...

Глаза Тальфера выдавали. Слишком умные, ясные, острые и пронизательные. Они обежали двор Донэра, кольнули иголками Лорену, на миг остановились на Лоране, появившемся на крыльце, и Барист поклонился:

— Ваша светлость. Рад видеть вас. Дistinguished Рисойский...

Лоран ответил поклоном. Лорена всплеснула руками:

— Господин Тальфер! Как я рада нашей встрече. Ах, наше захолустье так редко посещают гости! Я сейчас прикажу проводить вас освежиться с дороги, а там и праздничный обед готов будет...

— Ваша светлость, я прибыл повидаться с герцогом. Сначала дело, а потом все остальное.

Этой присказкой он был известен по всему королевству и менять принципы не собирался ни ради Лорены, ни ради обеда. Лорена скрипнула зубами, но сдержалась и мило улыбнулась.

— Господин Тальфер, тогда прошу вас, на несколько минут, освежиться с дороги. Вода нагрета. А я тем временем сообщу супругу...

Тальфер подумал пару минут — и кивнул. Действительно, в карете было душновато, а он, как большинство полных людей, сильно потел. Не мешало бы сменить рубашку и верхнюю тунику с дорожной на более роскошную, все же герцог..

— Буду вам очень признателен, ваша светлость.

Лорена мило улыбнулась — и сделала жест слуганкам, которые тут же закружились вокруг гостя. Слуги тем временем доставали багаж — сундук и небольшую сумку. Сама же Лорена проводила гостя до его покоев, выказывая уважение, а потом, когда за Тальфером захлопнулась дверь, скрипнула зубами — и направилась к мужу.

Твари!

Ее бы воля...

* * *

В комнате герцога Домбрийского царил полумрак. Задернутые шторы — больному вреден прямой солнечный свет. Благовония в курильницах — больному вреден вульгарный уличный воздух. Столик рядом с кроватью, заставленный снадобьями... И лекарь.

Сам герцог не спал. Лежал, смотрел в окно серыми глазами, некогда яркими, а сейчас почти бесцветными. Лорена присела в реверансе.

— Мой господин, прибыл мэтр Тальфер. Он ожидает, когда вы сможете принять его.

Герцог повернул голову, вдохнул воздух, собираясь что-то сказать, но не смог. Исхудавшее тело скрутил приступ кашля, лекарь подскочил, подхватил господина под плечи, помог прокашляться... в тазик шлепнулся комок кровавой мокроты. Лорену замутило, но женщина стойко держалась, дожидаясь ответа.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем герцог смог говорить.

— Пригласи его. Немедленно...

Лорена мысленно выругалась, но внешне осталась безупречна. Поклонилась, улыбнулась и пообещала, что сразу же, мой господин...

И отправилась к мэтру Тальферу.

Тот уже переоделся, разогнал служанок и теперь ждал. Лорена подавила приступ раздражения и, мило улыбаясь, пригласила господина Тальфера к его светлости...

Мужчина поклонился и последовал за кипящей от возмущения герцогиней.

* * *

— Лорена, попроси прийти Шадоля и возвращайся. А вы, Карен, тоже останьтесь, мне нужны будут свидетели.

Тальфер уселся рядом с кроватью герцога, на стул, и приготовился внимать последней воле. А герцогиня выскочила за дверь, призывая прислугу.

Стоит ли говорить, что дворецкий нашелся в рекордно короткие сроки?

Но когда герцогиня влетела в двери спальни, мэтр Тальфер уже строчил пером по бумаге, изредка обмакивая его в чернильницу.

Герцог приподнялся, и лекарь тут же подsunул ему под спину несколько подушек. Это вызвало новый приступ удушающего кашля, но наконец Томор прокашлялся и заговорил:

— Я, герцог Томор Домбрийский, милостью Его, оглашаю свою последнюю волю в присутствии независимых свидетелей, находясь в ясном уме и твердой

памяти, что засвидетельствовано личным его величества стряпчим, господином Тальфером.

Означенный господин чуть склонил голову, и герцог продолжил:

— Все мое состояние, Донэр, земли, деньги — все, что у меня есть, отходит моей дочери, Марии-Элене Домбрийской с тем, чтобы она вышла замуж до достижения двадцати пяти лет. Далее либо ее муж берет фамилию Домбрийских, либо ее второй сын должен принять мой титул и ответственность за Донэр на свои плечи. Разумеется, по достижении им совершеннолетия. До той поры его опекунами будут отец и мать.

Кивнули все.

Ничего нового. Если Мария-Элена выйдет замуж за наследника титула, дети будут распределяться по очереди. Старший — наследует отцу, второй — матери... это нормально. Это бывало.

До двадцати пяти лет девчонке еще семь лет жить, успеет остепениться.

— До совершеннолетия моей дочери еще два года и два месяца. Поэтому ее опекунами назначаются ее мачеха, Лорена Домбрийская...

Герцогиня поднесла к глазам совершенно сухой платочек, но восклицать нечто пошлое, вроде: «Дорогой муж, вы еще сто лет проживете!» не стала. Хорошие актрисы не переигрывают даже в любительских спектаклях.

— ...и лично его величество.

А вот это был удар. Да какой!

Лорена даже задохнулась. На миг стены комнаты дрогнули, поплыли вокруг женщины в медленном танце...

Его величество!

То есть — на брак надо согласие обоих опекунов. А даст ли его король?

Только в том случае, если умолять его будут все. Лорена, Лоран и беременная от Рисойского Мария-Элена. Желательно — влюбленная по уши.

В противном случае...

Алаверой тут не отделаешься, могут и голову с плеч снести. Остеон суров...

Ничего, этот вопрос решаем. Что, брат не сможет обаять какую-то соплюшку?

Да Лоран с десятком таких справится! С возрастом он не облысел и не растолстел, обаяния у него на шестерых хватит, а опыта — и на десятерых девчонок. Можно подумать, она не видит, как на него Силанта смотрит! Не был бы Лоран ей дядей, точно бы на шею прыгнула...

— Опись своего имущества, земель, доходов, драгоценностей, вкладов в государственные облигации и различные дела я прилагаю. Копия останется здесь, две копии отправятся в столицу.

Лорена поглядела на свиток волчицей, у которой кусок из глотки вырывают.

Да, если все это будет у короля — не покрутишься. Тальфер — это вам не мэтр Сюре, это у местного стряпчего могли пропасть несколько строчек из описи, но не у этого волка! Какой там колобок? Тигра!

— Моей жене, в благодарность за ее любовь и нежность, я назначаю пожизненное содержание. Пятьсот монет золотом в год и доходы от поместья Шанэр.

Стряпчий писал.

Лорена покривилась.

Пятьсот монет золотом!

Громадная, непредставимая сумма для простонародья. Да Домбрия в год дает не меньше двадцати ты-

сяч! Конечно, приходится вкладываться то в одно, то в другое... муж вообще обожает разбрасывать деньги на нужды всякой черни, как будто та сама не справится, мельницы какие-то строит, дороги... пффф! Но остается не меньше десяти-пятнадцати тысяч золотом. Этого хватило бы, чтобы блистать при дворе...

— Моей падчерице, Силанте Колойской, я завещаю единовременно сумму в десять тысяч золотом, чтобы она пошла в ее приданое. До той поры распоряжаться всей суммой она не может, но брать проценты — вполне.

Лорена быстро подсчитала в уме.

Десять тысяч золотом — это хорошее приданое. На него можно купить небольшое поместье. А два процента в год, которые дает помещенный в надежное место капитал, в королевские бумаги, это двести монет золотом.

Хватит на скромную жизнь в столице. Для сравнения — дом можно снять за пятьдесят монет золотом на год, и неплохой дом, но остальное...

Да некоторые платья Лорены стоят дороже двухсот золотых! А про украшения и говорить не приходится...

Вспомнив о том, что все украшения Домбрийских теперь отходят к этой сучке, Марии-Элене, Лорена покривилась. Личных украшений у нее было не так много, да и класс пониже...

Впрочем, если они с Силантой поедут в столицу... Шанэр дает где-то монет триста в год, плюс ее деньги, плюс дочкины...

Тысяча золотом.

Очень неплохо, но не для Лорены Домбрийской. Ей уже не нужна была часть, ей нужно было — все! А муж продолжал диктовать.

Он перечислил верных слуг, оставив каждому небольшую сумму в золоте, в том числе и дворецкому — две сотни золотых, и заставив мужчину вытирать слезы искренней радости. Перечислил соседей, которым оставлял на память небольшие сувениры — скакового жеребца, книгу, оружие...

Мэтр Тальфер уверенно писал, Лорена слушала без особого интереса, обдумывая свои планы. Пожалуй, их стоит поменять.

Раньше она полагала, что Лоран быстренько соблазнит, обрюхатит и потащит под венец эту идиотку, Марию-Элену, после чего они втроем отбудут в столицу, а падчерица останется в поместье. Должен же кто-то и за делами приглядывать? А то слуги вконец распустятся.

Лоран будет наезжать к ней пару раз в год, забирать деньги и делать детей, и все будет отлично.

Теперь планы приходилось пересматривать.

Марию-Элену надо будет везти с собой в столицу, а там уже выдавать замуж за Лорана. И продемонстрировать ее хотя бы годик, чтобы его величество не заподозрил неладного...

Ну ничего, она умная, она решит этот вопрос ко всеобщему, то есть собственному, удовольствию.

И Лорена принялась внимать кашляющему и задыхающемуся супругу.

Мария-Элена Домбрийская

Чем плохи пироги?

Да тем, что их надо запивать. А потом жидкость себе ищет дырочку...

До обеда было еще далеко, но кустики девушке требовались просто позарез. Не помогали ни молитва, ни стискивание зубов...